

**Диалектика справедливости и милосердия: проблема соотношения в
структуре гуманного общества**

Научный руководитель – Стрелец Юрий Шлемович

Адамар Максим Эдуардович

Студент (бакалавр)

Оренбургский государственный университет, Факультет гуманитарных и социальных наук, Оренбург, Россия

E-mail: cima5play@gmail.com

Проблема соотношения справедливости и милосердия является одной из фундаментальных в истории философской и этической мысли [2]. Эти две категории, находясь в сложном диалектическом взаимодействии, формируют аксиологический каркас любого общества, претендующего на звание гуманного. Вопрос о том, на каком из этих начал следует строить общественную жизнь, каково их оптимальное соотношение в различных сферах бытия и каковы источники их происхождения — духовные или светские, — остаётся открытым и требует тщательного анализа.

В самом общем виде справедливость традиционно понимается как принцип воздаяния, соответствия между деянием и его оценкой, правами и обязанностями. Это сфера закона, договора, формального равенства, где каждый должен получить то, что заслуживает. Справедливость имеет ярко выраженный социальный и рациональный характер: она кодифицируется в правовых нормах и поддерживается институтами принуждения. В этом смысле она выступает необходимым условием существования общества как такового, предотвращая хаос и произвол. Милосердие же представляет собой выход за пределы формального долженствования. Это безвозмездное сострадание, готовность помочь другому вопреки его «заслугам», а иногда и вопреки формальной справедливости.

Милосердие, в отличие от справедливости, всегда избыточно по отношению к норме; оно есть акт любви или сострадания, а не акт воздаяния. Его истоки чаще всего усматривают в духовной, религиозной традиции, хотя оно может иметь и светские гуманистические основания.

Ключевой вопрос политической философии и этики заключается в определении пропорции этих начал при строительстве гуманного общества. История знает разные подходы. Либеральная традиция (от Дж. Локка до Дж. Ролза) делает акцент на справедливости как процедурной честности. Ролз в своей «Теории справедливости» предлагает модель, где базовые структуры общества регулируются принципами, которые свободные и разумные индивиды выбрали бы в «исходном положении», не зная своего будущего места в обществе [1]. Здесь милосердие выносится в сферу частной добродетели и не рассматривается как основание публичной политики. Государство выступает гарантом справедливости, но не институционализирует милосердие, которое остаётся делом личного выбора.

Напротив, коммунитаристская и религиозно ориентированная этика настаивают на том, что общество, лишённое милосердия, вырождается в холодный механизм, где формальная справедливость легко оборачивается жестокостью. С этой точки зрения, милосердие должно пронизывать социальные институты, смягчая суровость закона и обращая внимание на конкретного человека в его беде. Примером такого подхода может служить концепция социального государства, которое берёт на себя заботу о наименее защищённых, по сути, институционализируя милосердие и превращая его в элемент социальной справедливости.

Особую остроту дискуссии о соотношении справедливости и милосердия придаёт их онтологическая разнородность. Справедливость ориентирована на общее, на правило, на безличный порядок. Милосердие же всегда обращено к конкретному Другому, к его уникальной ситуации и страданию. Это различие порождает трагические коллизии, блестяще схваченные в притче Луки из пьесы М. Горького «На дне». Притча о двух ворах ставит под сомнение прямолинейную эффективность как справедливого воздаяния, так и милосердного прощения. Строгое наказание (акт социальной справедливости) приводит одного вора к исправлению, в то время как милосердное прощение другого оборачивается его моральной деградацией. Горький через своего персонажа задаёт экзистенциальный вопрос: что гуманнее — карающая справедливость, ломающая человека через страдание, но дающая шанс на искупление, или всепрощающее милосердие, которое может оказаться «слепым» и потворствовать злу? Притча не даёт однозначного ответа, но она обнажает трагическую сложность жизни: универсальной формулы соотношения не существует, каждый случай требует конкретного, ситуативного подхода, учитывающего как требование закона, так и глубину человеческого падения или покаяния [3].

В поисках этого баланса нельзя игнорировать и вопрос о духовных и светских источниках этих категорий. Справедливость, в её светском понимании, есть продукт общественного договора, инструмент поддержания порядка, закреплённый в позитивном праве. Милосердие же глубоко укоренено в духовной традиции, будь то евангельская заповедь любви к ближнему или этика сострадания, присущая мировым религиям. Однако сводить милосердие исключительно к религии, а справедливость — к секулярному закону было бы упрощением. Светский гуманизм также способен обосновывать милосердие, исходя из идеи самоценности человеческой личности. В свою очередь, религиозное сознание всегда содержало мощные концепции справедливости (Божественный суд, воздаяние). Таким образом, духовное и светское начала не столько противостоят, сколько пересекаются в каждой из этих категорий.

Подводя итог, можно утверждать, что соотношение справедливости и милосердия не является раз и навсегда заданной величиной. Это подвижный баланс, который зависит от сферы применения и культурно-исторического контекста. Чисто формальная справедливость, лишённая милосердия, рискует стать жестокой и бездушной, порождая социальное отчуждение. Чистое, «слепое» милосердие, игнорирующее требования справедливости, может обернуться попустительством злу и разрушением социального порядка, как показывает горьковская притча. Гуманное общество — это общество, которое, выстраивая прочный каркас правовой справедливости, оставляет пространство для милосердного акта, признавая, что жизнь всегда сложнее любой нормы. Идеал, к которому стоит стремиться, лежит не в механическом поиске пропорции, а в диалектическом синтезе: милосердие, просвещённое пониманием правды и справедливости, и справедливость, согретая теплом человеческого участия. В этом напряжённом единстве, а не в абстрактной пропорции, и заключается подлинный фундамент человечности.

Источники и литература

- 1) Макеева Л.Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии. 2005. № 12 – М.: ИФ РАН.
- 2) Тригубенко Ф.А. Милосердие и справедливость // Позитив. Философские проблемы науки и техники. 2018. № 12. С. 121–125.
- 3) Культура.РФ: <https://www.culture.ru/books/180/na-dne>